

* * *

*Девочка играет на песке.
Солнце разливается над миром.
Накрепко зажаты в кулачке
Земли, обнесённые пунктиром.*

*Девочка играет на песке.
Ветка обеспечивает щебет.
Времечко в укромном уголке
С кредитом уравнивает дебет.*

*Девочка играет на песке.
Улица размахивает флагом,
Сияясь разобрать в узелке
Слов, переползающих зигзагом.*

*Девочка играет на песке.
Глина, исполняющая сальто,
Помнит, накрывая, о цветке,
Но не забывает и о сальдо –

С пальцами, без дрожи, на виске,
С лицами, вместившими раскаты.
Девочка играет на песке
С «доченькой», и обе угловаты.*

* * *

*Встреча на месте размётанных лет.
Хруст под ногами не тише, не тише.
Тень узнаванья сползает по крыше
к стенам, которых попросту нет.*

*Сжатые губы не сцедят ответ –
Что там? Какие там скрыты минуты?
Отзвуки встреч в довершение смуты
полнятся ворохом смутных примет.*

*Нехотя время выходит на свет
и, спотыкаясь, не ищет опоры.
Сомкнуты веки. Задёрнуты шторы
в окнах, которых попросту нет.*

* * *

*Где ляжет путь к игольному ушку,
где время, оставаясь начеку,
укроет и следы, и расстоянья,
где я, не узнаваем тишиной,
к ней прикоснусь, нависшей надо мной,
ни встречи не храня, ни расставанья,
там белый куст – весом и невесом –
ещё стоит под трепетным дождём.*

СКАЗАНИЕ О НЕМЕЦКОЙ БУТЫЛКЕ

Она осталась в русском чистом поле.
Храня её от памяти людской,
Ей время, приоткрывшись поневоле,
Вложило в горло временный покой.

Но горло говорить ещё умело.
И дождалось часа своего
В чужой земле оставленное тело,
И мрак стоял над именем его.

Здесь пили «за поверженного зверя».
Восточный ветер глотки обжигал.
Вставала зверем каждая потеря,
Но он в те дни потери не считал.

Он землю брал, цены её не зная.
Хлестал сквозь пальцы яростный огонь.
И травы проходили, вырастая,
Сквозь горло и застывшую ладонь.

Сменялись годы. Травами земными
Хранимые от памяти людской,
Они восстали, и восстали с ними
Их тени, потерявшие покой.

Одна легла, к стеклу ребром прижавшись.
Другая – возвратилась в чернозём.
И только травы, в поле задержавшись,
По-прежнему молчали о былом.

71

* * *

Над эпохой выросли снега.
Над снегами выросла эпоха.
И не ясно, то ли суматоха,
то ли скорбь накрыла берега.

А река безвинна и тиха.
Как дитя, укутана до срока.
Год за годом движутся с востока
на неё столетий вороха.

И слезой набухшая луна,
избывая вечную тревогу,
неотрывно смотрит на дорогу,
будто ищет чьи-то имена.

* * *

Как на твоём языке говорить с тобой
мне, промотавшему слово, вернее, дни
так разметававшему, что и морской прибой
не соберёт их и не зажжёт огни

на маяках? Этот змеиный хор
будет ещё прилюдно, наедине
губы тянуть или смотреть в упор,
чем-то спасаясь, что-то внушая мне.

Как говорить, если гортань суха,
если, одетый в робу скорбей и смут,
голос чернее тех чернозёмных га,
тенью которых кости мои растут?

